
А. Б. ЕЛАЦКОВ

**ОТНОШЕНИЕ, СВЯЗЬ
И ОБОСОБЛЕННОСТЬ:
ФИЛОСОФСКИЕ КАТЕГОРИИ
В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ**

Предметом исследования в статье являются категории отношения, связи и обособленности в рамках отечественной философской традиции. Рассматриваются их онтологическое и гносеологическое содержание, соотношение друг с другом, а также несколько типов интерпретации указанных категорий и их соотношений, достоинства и недостатки различных подходов. То или иное решение поднятых проблем важно не только для оформления философской картины мира, но и для многих конкретно-научных исследований. Методология исследования данной работы включает в себя логический (содержательный) и сравнительный анализ. Различные интерпретации категорий сравниваются на предмет наименьшей противоречивости. Выделены и проанализированы четыре альтернативные концепции соотношения данных категорий: классическая (связь как вид отношения), дихотомическая (связь как диалектическая сторона отношения), связанного отношения (отношение как вид связи или взаимодействия) и уникальности (отношение и связь как независимые категории). Делается вывод о преимуществе классической концепции.

Ключевые слова: философские категории, отношение, категория отношения, связь, раздельность, обособленность, отечественная философия, современная философия.

The concept “relation” is the least developed category among concepts of system “thing – property – relation”. The author interprets the relation as the separate characteristic which simultaneously belongs to several objects. This paper discusses how the controversial aspects of the ontological categories of relation, connection and isolation are represented by modern Russian authors from the 1970s to the present time. Altogether, four alternative concepts of correlation between these ontological categories are discussed. These are:

Философия и общество, № 2 2016 64–82

the classical concept (connection as a form of relation), the dichotomous concept (connection and isolation as dialectical aspects of relation), the concept of "connected" relation (relation as a form of connection or interaction) and the concept of uniqueness (relation and connection as independent categories). The author concludes that the classical concept has a significant advantage. In other concepts essential contradictions are revealed. The category of isolation is considered as not being opposed to connection.

Keywords: philosophical categories, relation, category of relation, connection, isolation, Russian philosophy, modern philosophy.

Введение

Категория отношения в качестве самостоятельной была введена в философию еще Аристотелем и позже неоднократно становилась предметом исследования. Этим вопросом занимались и многие отечественные ученые. Тем не менее содержание данной категории, так же как и ее соотношение с другими, до сих пор дискутируется в философской литературе. Как отметил А. Я. Райбекас, «Понятие "отношение" <...> – наименее разработанная категория в системе понятий вещь – свойство – отношение» [Райбекас 1977: 132].

Многие науки определяются как науки о тех или иных видах отношений. Так, изучаются экономические, психологические, математические, географические и многие иные виды отношений. Потому исследование отношения как общей философской категории имеет большое методологическое значение для конкретных наук. Вместе с тем рассмотрение данной категории в них часто игнорируется ввиду того, что ее содержание считается как бы само собой разумеющимся. В настоящей статье мы рассмотрим и сравним между собой основные онтологические концепции, используемые в отечественной философской традиции для интерпретации «отношения». Это неизбежно потребует от нас определиться и с двумя другими категориями – связи и обособленности.

Категория отношения

В истории познания сложились три категориальные оппозиции: отношение/предмет, предмет/изменение, отношение/изменение. Представления об отношениях в третьей из них выработались в социуме как попытка «остановить», осмыслить непрерывное изменение окружающего мира. Направление же, своеобразный век-

тор «остановленного» изменения, становится фундаментальной характеристикой отношения. В этом смысле можно говорить, что «категория отношения обозначает и отображает движение, “схватывающая” самую его суть» [Райбекас 1977: 140]. Отношения в самом общем смысле воспринимаются как форма сосуществования (события) вещей любой природы. Потому отношения вещей объективны и изменчивы настолько же, насколько объективны и изменчивы сами вещи. Более того, сами вещи проявляются в мире через свои отношения, и только благодаря им могут восприниматься наблюдателем в своей определенности. В процессе познания мы как бы раздваиваем мир на вещи и их отношения¹.

Несмотря на кажущуюся очевидность, природа самого отношения вызывает много споров. Ф. А. Селиванов, например, считает, что «отношение имеет место там, где есть соотнесенность, где одно не существует без другого, где свойство одного существует благодаря наличию или отсутствию другого» [Селиванов 1998: 12]. Действительно, политический враг или друг определяются лишь по отношению к некоторому субъекту. Географические объекты могут быть восточнее только по отношению друг к другу. Вместе с тем это определение говорит скорее о роли и принципах выделения отношения (оно есть «там, где...»), но не о его сущности. Возникает и вопрос с неоднозначным использованием понятия «свойство». Может ли оно «задаваться» и «сняться» извне объекта, не затрагивая его состояние? А. И. Уемов определяет отношение как «то, что, будучи установлено между вещами, образует новые вещи» [Уемов 1978: 86]. Такой подход требует чрезмерно широкого понимания вещи, если учитывать отношения, подобные «несходству», причем сама вещь определяется зеркально – через наличие отношений. В. Н. Сагатовский считает, что «различие или тождество вещей в одном множестве, тождественных в другом множестве, называется отношением между этими вещами» [Сагатовский 1973: 176]. Здесь мы видим логический круг, сводящий все отношения к отношениям же тождества и различия и неоправданное требование «тождества» в ином отношении.

Разными авторами предложены и иные дефиниции. Если их обобщить, то вырисовываются два аспекта. Во-первых, это наличие

¹ Абсолютизация этого обстоятельства порождает концепцию реляционизма (признание существования или познания лишь отношений, их первичности).

нескольких сторон отношения (есть и мнение, что они могут совпадать). Во-вторых, это наличие *нечто*, что создает отношение данных сторон. С этим нечто и возникли наибольшие трудности интерпретации. Его рассматривали и как способ бытия, и как связь, и как взаимодействие, как совместную определенность, как целостность, как принадлежность множеству, как многоместное свойство, как мыслительную конструкцию и т. д. Практически каждый вариант имеет свои достоинства и недостатки. В онтологической трактовке, развиваемой Г. Д. Левиным, которую мы считаем наиболее приемлемой и универсальной, *отношение – это отдельный признак, неразрывно сопринадлежащий нескольким объектам*², в отличие от свойства, которое есть признак, принадлежащий отдельным объектам [Левин 2007: 78, 82]. Эти объекты, конечно, могут быть и логическими. Данное определение в целом следует подходу, предложенному еще Аристотелем. Отметим важное следствие: само участие объекта в отношении онтологически не является его собственным свойством, в отличие от способности к такому участию [Лукьянов 1982: 83–88]. Это утверждал еще К. Маркс, чье мнение воспроизводилось и в отечественной философии. Свойства лишь проявляются в отношениях или изменяются ими. Иначе обе категории сливаются. В теории множеств используется аналогичный подход: отношение понимается как класс пар, троек и т. д. элементов, которым оно сопринадлежит (например, отношение союза отождествляется с множеством групп союзников). Однако это операциональный, а не содержательный подход. Впрочем, отношение может выступать и в качестве свойства, если соотнесенные вещи рассматриваются вместе как целое, то есть как новый объект – носитель признака [Левин 2007: 85, 153]. Отметим для сравнения, что Кембриджский философский словарь определяет отношение именно как «двух-и-более-местное свойство» [Schumm 1999: 788]. Сами отношения также могут являться сторонами отношений высших порядков (отношения отношений).

² Под признаком понимается качество или «вторая сущность» по Аристотелю, которая не может существовать в пространстве-времени отдельно от предмета. Отдельное его существование допускали только крайние платонисты. Заметим также, что «несколько» является здесь не числовым отношением, что критиковалось А. И. Уемовым, а отражением фундаментальной категории многого.

Важно отметить, что объекты – носители отношения – участвуют в образовании отношения не целиком, а лишь той или иной стороной или *основанием* отношения³ (лат. *fundamentum relationis*). Это означает, что отношение может существовать даже между разными сторонами одного и того же объекта (например, «самоуправление»). Игнорирование этого факта приводит к проблемам. А. И. Уемов, опираясь на логику предикатов, считает возможным существование одноместных (унарных) отношений. Он предполагает таким образом объяснить гипотетические рефлексивные отношения (отношения объекта с самим собой) [Уемов 1963]. Но на самом деле это приводит лишь к путанице между свойствами и отношениями, а также к логическим парадоксам. Дело в том, что онтология предметов переводится в плоскость логики высказываний о них, а последняя не различает множества порой еще непознанных аспектов и диалектических сторон реальных предметов и процессов.

В интерпретации рассматриваемой категории остается и ряд других дискуссионных вопросов, серьезно проявляющихся в конкретно-научных исследованиях. В частности, долгое время, а порою и сейчас, категории «отношение» и «связь» определялись друг через друга [Новая... 2010; Ожегов, Шведова 1992] или отождествлялись. Последнее допускалось и формальной логикой. И лишь развитие системного подхода, теории управления, кибернетики [Селиванов 2008: 136–137] и технологии настоятельно потребовало развести их как самостоятельные. *Вместе с тем определение соотношения категорий выявляет их природу в чем-то даже лучше, чем их собственные дефиниции.* Рассмотрим варианты решения данного вопроса подробнее.

Классическая концепция. Содержание категории связи вызывает немало споров [см., например: Белоусов 2007: 131]. Большинство авторов согласны, что в первом приближении связь объектов проявляется «в том, что состояния или свойства любого из них меняются при изменении состояния и свойств других» [Новая... 2010:

³ Отношение как сопринадлежащий признак имеет единую природу для обеих сторон. Поэтому большинство авторов полагает, что основания должны быть тождественны. Однако А. И. Уемов не считал это обязательным [Уемов 1963: 114]. И он, видимо, прав. Это можно представить на примерах опосредованных отношений.

510]. Не совсем ясно, правда, как тогда быть, например, с голономными⁴ связями в абстрактных системах. Существуют и расширительные подходы, трактующие связь как соответствие (корреляцию следствий общей причины) [Левин 2007: 155], и более узкие, требующие обязательного воздействия или взаимодействия объектов [Райбекас 1977: 140; Сагатовский 1973: 202]. Мы не будем подробно обсуждать определения связи. Отметим лишь, что в любом случае связь в той или иной степени ограничивает свободу произвольного изменения связанным объектом своих состояний, свойств и отношений. Возможно, именно это обстоятельство и есть «сквозной» признак для любого понимания связи. Существует концепция, гласящая, что роль законов природы – именно в ограничении исходного хаоса [Сариев 1986]. Еще больше споров вызывает соотношение категории «связь» с другими категориями. Этот вопрос принципиально важен для конкретных наук: включены ли связи и взаимодействия в структуру, например, экономических или географических отношений? И здесь пока нет однозначного ответа.

Категория «отношение», так же как и «пространство», в философии является предельной абстракцией на онтологическом уровне познания. «Связи здесь еще не даны, точнее, не специфицированы, не выделены как особый вид отношений» [Связь... 1988: 45]. Более конкретны на уровне сущности или явления категории «связь» и «взаимозависимость». Таким образом, имеются родо-видовые отношения данных категорий. В развернутой форме и принятой выше интерпретации дефиниция будет следующей: *связь – это сопринадлежащий нескольким объектам отдельный признак, характеризующий соответствие изменений любого из них изменениям других*. Далее, на уровне процессов, связям подчинены более узкие «действие» и «взаимодействие» [Там же: 67]. При таком подходе устойчивое словосочетание «связи и отношения» означает «связи и те отношения, которые остаются за вычетом связей» [Левин 2007: 153]. Так, союзные отношения включают как союзные связи, так и отношения союзно-статусного позиционирования. Вообще в науке нередки случаи, когда одним термином именуется и родовые, и видовые понятия. Таким образом, получаются понятия *в широком*

⁴ Вид механической связи, ограничивающей лишь пространственные отношения.

и узком смысле [Войшвилло 1989: 195–196]. Тогда классическое соотношение категорий предстает в виде пентады: «вещь – свойство – (отношение = отношение \wedge связь)».

Может показаться, что некоторые авторы в текстах отождествляют отношение и связь. Но это впечатление зачастую обманчиво: если автор говорит об отношении-связи, то это еще не значит, что он отрицает иные отношения. Впрочем, А. Я. Райбекас, признавая иерархию категорий «отношение – связь – взаимодействие», считает, что «они – понятия разного уровня абстракции, с разных сторон и глубиной отображающие один и тот же объективный факт (объект)» [Райбекас 1977: 141]. Но согласно логическому закону обратной пропорциональности, по мере абстрагирования понятие связи включает в свой объем нечто, кроме взаимодействий, а отношения – нечто, кроме связей (условно обозначим это нечто как «отношение-не-связь»⁵). В противном случае следовало бы «вырезать» бритвой Оккама два лишних понятия или отказаться от понимания данных категорий как «уровней абстракции». Отметим здесь одно из преимуществ классической концепции. При широком толковании понятия связи его объем просто расширяется за счет отношений-не-связей, не охватывая их целиком и не порождая противоречий. Аналогично и наоборот. Вопрос лишь в том, какие объективные признаки отношения считать видообразующими для связи.

Концепция дихотомии

Существуют, однако, и иные взгляды на соотношение двух рассматриваемых категорий. Так, с точки зрения И. И. Новинского, А. П. Шептулина и их последователей, связь можно рассматривать не как вид, а как одну из двух диалектических сторон *любого* отношения (не путать со сторонами самого отношения, то есть его основаниями) [Новинский 1961: 119; Шептулин 1971: 154–155]. Другая не менее существенная диалектическая сторона – раздельность (обособленность, изолированность, отграниченность)⁶. Каждая из них требует другой для своего определения.

⁵ См.: [Левин 2007]. Варианты же «формальное», «логическое», «соотношение» и т. д. привносят дополнительные смыслы.

⁶ Некоторые сторонники концепции называют связь и раздельность именно видами отношения [Сагатовский 1973: 203; Шептулин 1971: 154], что не меняет их сути. Можно, однако, провести аналогию с полюсами магнита, которые не являются видами последнего.

Данный подход одно время пользовался значительной популярностью в отечественной литературе [Гундаров 1983; Сагатовский 1973: 203], применяется он и сегодня. Раздельность определяется здесь как инверсия связи, то есть как «такое отношение между явлениями или сторонами одного и того же явления, когда изменения одних из них не сопровождаются какими-либо изменениями других». Например, «изменение переплета книги не затрагивает ее содержания, и наоборот» [Шептулин 1971: 154] (это верно не всегда). В развитие этого подхода предполагается, что связь порождает непрерывность и единство, а раздельность – дискретность и множественность. Связи и раздельности могут переходить друг в друга. Так, связь, помимо способности объединения, обладает способностью расчленять явление (связь части вещи с другой вещью), а раздельность – наоборот [Гундаров 1983: 14]. Критикуя предшественников за фактическое «отождествление» связи и отношения, А. В. Толпегин рассматривает отношение как «взаимную определенность» явлений, которая задается единством функционального (отражение и связь) и субстанциального (отдельность, определенность и общность, принадлежность роду) аспектов [Толпегин 1995: 30–38, 61–64].

Несмотря на кажущуюся логичность, дихотомическая теоретическая конструкция оказывается лишь паллиативом. Она подверглась критике из-за того, что отношения-связи и отношения-раздельности не исчерпывают всего богатства отношений и, следовательно, не могут быть их диалектическими сторонами. Например, отношения равенства и сходства не определяются единством связи и изолированности [Левин 1990: 52], последняя из которых предстает как бы абсолютной. Здесь не помогает интерпретация изолированности ни как «вырожденной» связи (вплоть до происшедшего по непонятной причине «разрыва» отношения) [Разумовский 1999: 17, 25], ни как «превалирующей» стороны [Толпегин 1995: 68]. Но важно само признание таких случаев. Причем те же самые стороны отношения могут находиться во взаимосвязи между собой в других отношениях, что порождает явное противоречие с исходным принципом. Другими словами, отношение-не-связь – это

Иные варианты – состояния [Разумовский 1999: 15] или структурные элементы [Толпегин 1995: 61] отношения.

вовсе не отношение отсутствия связи, а отношение, не являющееся ни связью, ни изоляцией, то есть не определяющее и не запрещающее изменение другой стороны отношения [Левин 1990: 51–52; Уемов 1963: 50]. Если же допустить обратное, то получится, что имеется большой, если не преобладающий, класс отношений, представляющих абсолютную изолированность, при этом качественно различных. А это противоречит исходному принципу взаимоположения связи и изолированности. В. Н. Сагатовский, в целом разделяющий дихотомическую концепцию, делает показательное замечание: «Отношение гораздо более абстрактная ступенька, чем связь и изолированность, а потому не может быть определена посредством последних» [Сагатовский 1973: 203–204]. Кроме того, раздельность (изоляция) частично смешивается со связью-разъединением (связью-отталкиванием) [см., например: Гундаров 1983].

Природа обособленности

Вместе с тем настоящая природа раздельности (обособленности) изучена значительно меньше, чем природа связи. Не совсем даже ясно, обладает ли раздельность самостоятельным онтологическим статусом или она – лишь наше восприятие отсутствия связи. Попробуем разобраться в этом вопросе. Выше мы отметили, что «раздельность» характерна для *всех* отношений, тогда как связь – только для некоторых. Дело в том, что в определенном смысле любое отношение само по себе и есть выражение раздельности (вернее, разъединенности), так как подразумевает последнюю по определению, но к ней, конечно, не сводится («А и Б» не есть отношение). Соответственно в понятии связи разъединенность предстает родовым признаком, а не противоположностью, и уж тем более не ее «вырожденным» случаем. При таком подходе надо отличать *разъединенность* на онтологическом уровне от *обособленности* на уровне явлений и от *изолированности* на уровне процессов⁷. Получается, что не отношение вообще, а собственно сама связь является диалектическим противоречием, единством связи и обособленно-

⁷ Данные термины обычно используются как синонимы. Мы условимся обозначать ими разные понятия. «Разъединенность» согласуется с категориями единого и многого; «обособленность» происходит от *об-* + *особый, особь*; «изолированность» предполагает разобщенность чем-либо.

сти [Связь... 1988: 63; Белоусов 2007]. В таком понимании обособленность выступает лишь обратной величиной тесноты связи, характеристикой связи и не является самостоятельным отношением. Как отмечает А. И. Уемов [1963: 18], с точки зрения диалектики «изолированность является частным случаем взаимной связи между явлениями». Аналогично И. И. Новинский [1961: 120], сравнивая связь и отграниченность с движением и покоем, считал первую абсолютной, а вторую – относительной производной. При этом вряд ли можно утверждать о наличии исключительности связи или обособленности (их полностью «вырожденных» случаев) в материальном мире. Важно, что связь и таким образом понимаемая обособленность вместе представляют лишь *частный* класс отношений. Иначе получается, что исчезает необходимость в самой категории «отношение», которая становится чуть ли не синонимом связи. (Поэтому неудивительно, что в дихотомической концепции условием любого отношения, аналогичного связи, может видеться близость объектов [Разумовский 1999: 13].) Но описанный подход не раскрывает внутренней природы обособленности. Так, если все связано со всем с одинаковой теснотой и во всех отношениях, то невозможно и обособление чего-либо.

Поэтому надо взглянуть на проблему с другой стороны. Каждая вещь обладает внутренними и внешними связями. «Величина собственной энергии вещи, характеризующая тесноту связи между составляющими ее элементами, и есть выражение ее обособленности от других вещей...» [Связь... 1988: 37]. Именно «сгусток» внутренних связей придает обособленной вещи ее характерные свойства и делает ее системой. Это касается не только отдельных материальных тел, но и их групп в физическом (например, территориальная популяция) и функциональном (например, политическая партия) пространствах. Аналогичной точки зрения на природу обособленности живых организмов придерживались В. И. Вернадский и И. П. Павлов [Там же: 279]. В таком понимании обособленность выступает, на наш взгляд, отношением второго порядка, то есть отношением между связями, а не их противоположностью. Она отражает лишь неравномерность распределения связей. При определенных условиях такая обособленность может быть форма-

лизуема (например, в теории графов) или интерпретироваться как граница (например, географическая).

Однако остается вопрос: могут ли объекты обособляться аналогичной «замкнутостью» отношений-не-связей? Если да, то это будет *логической* обособленностью группы *несвязанных* объектов. Приведем простые примеры: сад камней посреди парка и группа точек на графике. Здесь мы видим обособленное размещение объектов, если они располагаются друг к другу ближе, чем к иным объектам/точкам участка данного пространства (обособленность по пространственным отношениям). По той же логике можно расценивать отдельный класс объектов как логически обособленный (обособленность по отношениям сходства).

Наконец, «изолированность» характеризует внешнее препятствие для осуществления связи и, следовательно, проявление «сторонних» связей среды-изолятора (шум, рассеяние, затухание, искажение). Изолированность может быть и частичной, «закрывающей» лишь некоторые связи или пространственные направления (например, полуостров или сосуд с узким горлышком). Таким образом, во всех рассмотренных случаях раздельность (обособленность, изолированность) не выступает прямой противоположностью связи в рамках отношения. Тем не менее она является важным аспектом конкретно-научных исследований.

Концепция связанного отношения

Многие авторы рассматривают отношение как частный класс связей или зависимостей. Из-за своей простоты определение отношения через связь характерно для многих отечественных словарей [см., например: Новая... 2010; Социальная... 2003; Ожегов, Шведова 1992]. В конкретных науках встречается и еще более узкая трактовка отношения как вида взаимодействия [см., например: Политология... 1993: 233]. Или даже не просто взаимодействия, а непременно устойчивого: «“Отношения” (в отличие от взаимодействий любого иного рода) предполагают значительную протяженность во времени и определенность на всей этой протяженности» [Косолапов 2005: 9]. В ряде случаев широко понимаемая связь ин-

терперируется как синоним отношения [Пивоваров 2013: 66]⁸. В конкретных науках подобные подходы стимулируются нацеленностью на изучение именно связей и взаимодействий. Так, политические отношения-не-связи могут просто игнорироваться, считаться производными или неполитическими. Однако это сомнительный аргумент для декларации об их отсутствии вообще. Обосновать концепцию на философском уровне попытался В. И. Свидерский. Идея заключалась в том, чтобы рассматривать любое отношение как *опосредованную связь* [Свидерский 1962: 23–24]. Позже речь шла лишь об *особой опосредованной (взаимо)зависимости*, то есть «зависимости и взаимозависимости объектов вне их непосредственного взаимодействия, непосредственной связи между ними» [Его же 1983: 22]. Но замена слов не изменила, конечно, сути концепции⁹. Сходной позиции придерживается и А. Я. Райбекас: «Материальные отношения вещей всегда носят характер взаимодействия и обнаруживают себя в форме... их связи» [Райбекас 1977: 141]. Такая позиция нашла поддержку и в конкретно-научных теоретических работах [см., например: Мересте, Ныммик 1984: 63–34].

Однако определение связи логически подходит под обозначенное выше определение отношения как его вид, но не наоборот. Все признаки вещей делятся на свойства и отношения. Связь не может быть свойством, следовательно, она – отношение [Левин 1990: 49]. А можно ли делить признаки иначе – на свойства и связи? В. И. Свидерский так и поступает, декларируя тетраду: «вещь – свойство – связь – отношение» [Свидерский 1983: 37].

Связь предполагает, что изменение одной вещи соответствует изменению другой. Но для отношения это верно не всегда. Получается, что несвязанное отношение «повисает» отдельно от вещи. Связь действительно может менять отношение. Но не потому, что отношение – опосредованная связь, а потому, что даже сторонние, практически неопосредованные связи независимо изменяют сами вещи, между которыми отношение устанавливается непосред-

⁸ О силовой же связи автор пишет в духе концепции уникальности (о ней см. ниже).

⁹ Во втором варианте отношение декларативно признавалось более общим понятием из-за того, что связь считалась лишь конкретной. Пришлось вообще отказаться от опосредованной связи. В то же время непосредственная связь оказывается лишенной соответствующего отношения. В итоге мы наблюдаем дрейф в сторону концепции уникальности (см. далее).

ственно. И степень изоляции вещей может не играть никакой роли. Так, несогласованные (как минимум на уровне нашего познания) локальные процессы на разных планетах могут случайно образовывать *сходные* формы рельефа¹⁰. Возникают вопросы и к применимости подхода к теоретическим (абстрактным) объектам: возможно ли оценивать *подобие* абстрактных треугольников как их опосредованную связь или зависимость? Во всех таких случаях «не спасает положение и то, – отмечает П. М. Колычев, – что в определении речь идет об “опосредованной зависимости”, и то, что это – “особая зависимость”» [Колычев 2006: 161].

Важно отметить, что многие отношения между материальными объектами в отличие от известных видов связи и взаимодействия реализуются мгновенно, не зависят от расстояния и посредников¹¹, так как имеют несилевой, информационный характер. Но признание подобных «чистых» отношений казалось недопустимым с диалектико-материалистических позиций, представляясь вариантом идеализма. Именно против последнего и был направлен пафос концепции связанного отношения [Свидерский 1962: 23]. Потому приходилось уклоняться от решения проблемы, объявляя все несвязанные отношения и даже связи-соответствия лишь «потенциальными» [Андреев 1985: 32]. А. И. Уемов отмечал излишнюю боязнь советских философов уклониться в идеализм при исследовании отношений [Уемов 1963: 48].

Сторонники концепции, представляющие прикладные науки, пытаются выйти из положения, предполагая или постулируя, что отношение характеризует взаимозависимость элементов лишь определенной системы [Григорьева 2009: 163; Мересте, Ныммик 1984: 64]. Но такой аргумент «не работает». Получается, что между элементами разных систем не может быть связей и отношений. Последние приходится относить к межсистемной обособленности, возвращаясь к концепции дихотомии. Но задание системных гра-

¹⁰ Можно обратиться, например, к зависимости пространства от поля тяготения. Но подобный подход ничего не говорит, в частности, о зависимостях между динамикой конкретных систем за пределами светового конуса. Однако иного выхода нет, и мы наблюдаем использование именно этого аргумента [см.: Свидерский 1983: 24].

¹¹ Гипотеза Копенгагенской школы о том, что в микромире отдельные связи могут нарушать эти ограничения (ЭПР-парадокс), остается недоказанной и подвергается критике [см., например: Славнов 2008].

ниц довольно условно, так как весь мир является суперсистемой. Можно также выдвинуть тезис, что само участие объекта в отношении является его свойством (!); это означало бы, что изменение другой стороны несвязанного отношения меняет свойства объекта подобно связи. Но это возможно либо в идеалистической доктрине «внутренних» отношений [Schumm 1999: 789] (не путать с отношениями внутри объекта), либо в логике предикатов (реляционное свойство). Тогда действительно получается, что можно установить «связь» с объектом прошлого, вырастив дерево равной с ним высоты, но нельзя создать свойство «быть вровень с деревом» у уже исчезнувшего объекта и ограничить его свободу новой связью. Но это допустимо лишь логически, иное противоречило бы законам физики.

В качестве обоснования приводится и то обстоятельство, что для определения отношений, например равенства отрезков, требуется измеряющая деятельность человека [Свидерский 1962: 20–21]. Здесь происходит подмена онтологических понятий гносеологическими. Иначе нет смысла в самом измерении. Различные отношения воспринимаются и животными для своей ориентации в среде [Тюхтин 1990: 21]. Сбалансированные природные системы имеют устойчивые отношения без участия человека. Палеонтология, в частности, выясняет древние, уже исчезнувшие отношения.

Может использоваться и принцип «все связано со всем», иногда с упоминанием небезызвестного «эффекта бабочки» Э. Лоренца [Григорьева 2009: 162]. Из этого якобы следует, что между элементами системы возможны только отношения связи, а условием отношения является взаимовлияние объектов. Однако в этом случае мы наблюдаем, во-первых, абсолютизацию философского принципа, от которого сама философия уже отказалась ввиду ограниченности времени существования объектов и известной скорости взаимодействий [Левин 1990: 95; Сагатовский 1973: 206]. Во-вторых, каждый элемент системы обладает вовсе не единственной всепоглощающей связью, а множеством разнокачественных отношений и связей разной тесноты. Потому даже наличие связи не доказывает отсутствие отношения-не-связи между теми же основаниями. Следует отметить, что мы не подвергаем сомнению наличие отношений-не-связей, формируемых опосредованными и прямыми связями. Вопрос лишь в том, что, формируемые связями, сами они свя-

зями не являются, через связь не определяются и могут исследоваться отдельно.

Концепция уникальности

Ее суть можно выразить следующей фразой: «Отношение, как абсолютно иное связи и обособленности, является для них совершенно чуждым феноменом, чистой противоположностью, их напрочь отрицающей» [Белоусов 2007: 130]. Такое представление складывается из оппозиции к концепциям дихотомии и связанного отношения. Возможна также идея рядоположенности отношения, связи и взаимодействия [Рыбалко 1991: 76].

Один из аргументов данной концепции – представление отношения как *совместной определенности нескольких объектов* [Колычев 2006: 15, 158]. Этот вариант дефиниции, являясь скорее операциональным, чем содержательным, не противоречит классическому представлению. Однако в данном случае выдвигается тезис, что «предложенное понимание соотношения существенно отличается от категории связь...» [Там же: 51]. На наш взгляд, это не так. Связь вещей является существенной для их совместной определенности, тем более что связь может определять или изменять существенные свойства самой вещи. Именно такое понимание определенности мы видим в упомянутой выше концепции А. В. Толпегина. Другой аргумент сторонников уникальности: всеобщие категории якобы не могут подчиняться друг другу [Андреев 1985: 40; Тюхтин 1990: 14]. На самом же деле философские категории имеют разную степень общности [Левин 1990: 10]. Иначе как быть, например, с категорией сходства?

Следует также отметить, что рассматриваемый подход, в отличие от обозначенных выше, требует наличия четкой демаркации между связями и отношениями (не-связями), ведь «объемы их понятий не входят в друг друга» [Тюхтин 1990: 20]. Однако, несмотря на близость разных определений связи, они имеют некоторые отличия, несущественные для иных концепций. Получается, что выявленная «не общепринятая» связь может быть отнесена к связям или отношениям лишь «росчерком пера», исходя из задач и традиций. И если в других концепциях это будет лишь уточнением признаков конкретного отношения или связи, то в концепции уникаль-

ности это вызывает парадокс: материальный феномен «особой природы» появляется и исчезает по воле наблюдателя. Он даже не «превращается» в отношение-не-связь, так как всем связям изначально уже поставлены в соответствие определенные отношения [Тюхтин 1990: 19].

Конечно, трудно не согласиться с тем, что связи и отношения-не-связи различаются по существу. И в подчеркивании этого обстоятельства данная концепция играет важную роль по отношению к концепциям дихотомии и связанного отношения. Однако и связи, и отношения-не-связи содержат общие родовые признаки. От эмпирической, по сути, концепции уникальности остается сделать следующий шаг – к теоретическому обобщению. Традиционно за общую категорию принимается именно отношение в широком смысле – как противоположность свойству. Если же обобщать или интегрировать их категорией «движение» [Андреев 1985: 25; Рыбалко 1991: 76], то теряется их общая специфика, а если категориями «взаимообусловленность» или «взаимодействие», то возвращаемся к концепции связанного отношения, лишь заменив термины. А чем же они тогда несовместимы, по мнению сторонников данного подхода? Оказывается, отношение – это только повторяющаяся статистически значимая обусловленность, а связь – всегда единичная, конкретная [Андреев 1985: 42]. Эту конструкцию правильнее было бы назвать двумя видами (типами) связи. Иначе получится, что конкретного отношения и вероятностной связи быть не может.

Отметим еще один момент. Связь, не являясь при подобном подходе признаком вещи (ни свойством, ни отношением), должна получить статус самостоятельного объекта. Разрешение противоречия уводит в сторону либо субъективного идеализма, либо иных рассмотренных концепций, а чаще всего – связанного отношения. Так, признак-отношение заменяется признаком-связью, но тогда отношение перестает быть совместной определенностью вещей и независимой от связи категорией. В итоге В. С. Тюхтин, пытаясь согласовать сосуществование и взаимопревращение самостоятельных связей и отношений, приходит к выводу в духе классической концепции: «При рассмотрении экономических общественных отношений... они включают в себя и связи, и отношения (в узком смысле)» [Тюхтин 1990: 25].

Заключение

Итак, категория отношения охватывает бесчисленное множество различных признаков объектов в их со-бытии и взаимосвязи. Но она приобретает конкретный характер лишь в случае ее интерпретации применительно к объектам определенной природы. И здесь мы сталкиваемся с другой проблемой: в конкретно-научных исследованиях «отношение вообще» зачастую трактуется исходя из узкоотраслевой специфики, противореча не только философским представлениям, но и понятиям смежных дисциплин. Заявляется, например, что «теоретическая конструкция “правоотношение” не есть прямое распространение, проекция на правовой материал философских категорий “связь” и “отношение”... [так как] обособление этих категорий проводится многими авторами по непосредственно материальным критериям¹², которые вряд ли прямо применимы в правоведении» [Алексеев 1982: 86]. Однако и для правового, и для психологического, и для географического отношений, для «отношения по поводу...», «отношения к...» и «отношения между...» родовым понятием выступает именно общая категория отношения в силу ее всеобщности. Потребность же в игнорировании этого обстоятельства в конкретных науках свидетельствует о пока недостаточной разработанности данного вопроса на общеправовом уровне.

Литература

- Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. М., 1982.
- Андреев Ю. П. Содержание и структура общественных отношений. Саратов, 1985.
- Белоусов В. А. Проблема определения сущности связи // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2007. № 1. С. 129–134.
- Войшвилло Е. К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. М., 1989.
- Григорьева М. А. Соотношение понятий «структура», «отношение» и «связь» и его значение для правовых исследований // Известия Иркутской гос. эконом. академии. 2009. № 6. С. 159–164.

¹² Имеется в виду концепция связанного отношения.

Гундаров И. А. «Отношение» как философская категория: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1983.

Колычев П. М. Категория соотношения. СПб., 2006.

Косолапов Н. А. Глобализация: территориально-пространственный аспект // *Мировая экономика и международные отношения*. 2005. № 6. С. 3–13.

Левин Г. Д. Классификация связей и отношений // *Проблема связей и отношений в материалистической диалектике* / под ред. В. С. Тюхтина. М., 1990.

Левин Г. Д. Философские категории в современном дискурсе. М., 2007.

Лукьянов И. Ф. Сущность категории «свойство». М. 1982.

Мересте У. И., Ныммик С. Я. Современная география: вопросы теории. М., 1984.

Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. III / ред. В. С. Степин. М., 2010.

Новинский И. И. Понятие связи в марксистской философии. М., 1961.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

Пивоваров Д. В. Отношение, связь, свойство, вещь (категориальный анализ) // *Известия Уральского федерального ун-та. Серия 3 «Общественные науки»*. 2013. № 1. С. 63–72.

Политология: Энциклопедический словарь / под ред. Ю. И. Аверьянова. М., 1993.

Разумовский О. С. Реляционизм и изоляционизм: пролог к теории систем // *Полигнозис*. 1999. № 4. С. 11–30.

Райбекас А. Я. Вещь, свойство, отношение как философские категории. Томск, 1977.

Рыбалко В. К. Становление диалектической концепции «вещь – свойство – отношение». Харьков, 1991.

Сагатовский В. Н. Основы систематизации всеобщих категорий. Томск, 1973.

Сариев Г. Д. Принцип ограничения. Баку, 1986.

Свидерский В. И. О диалектике элементов и структуры в объективном мире и в познании. М., 1962.

Свидерский В. И. О диалектике отношений. М., 1983.

Связь и обособленность / отв. ред. М. А. Парнюк. Киев, 1988.

Селиванов Ф. А. Избранное. Тюмень, 1998.

Селиванов Ф. А., Ганопольский М. Г. Категории отношения, связи и коммуникации в контексте развития кибернетических идей // Вестник кибернетики. 2008. № 7. С. 136–139.

Славнов Д. А. О квантовой телепортации // Теоретическая и математическая физика. 2008. Т. 157. № 1. С. 79–98.

Социальная философия: словарь / ред. В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов. М., 2003.

Толпегин А. В. Форма явленного бытия. Екатеринбург, 1995.

Тюхтин В. С. Понятия связи и отношения, системы и структуры, их познавательное значение // Проблема связей и отношений в материалистической диалектике / под ред. В. С. Тюхтина. М., 1990.

Уемов А. И. Вещи, свойства и отношения. М., 1963.

Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. М., 1978.

Шептулин А. П. Категории диалектики. М., 1971.

Schumm G. F. Relation // The Cambridge Dictionary of Philosophy / Ed. by R. Audi. Cambridge, 1999.